

УДК 304.5

ЖЕНСКАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ: ЯЗЫК ТЕЛА

Э. А. УСОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследована женская субъективность, рассматриваемая через призму ее социально-культурной стигмы, а также через призму языка тела как «проводника» норм и предписаний со стороны патриархальной культуры. Уделено внимание субъективности как категории, отражающей уникальность и индивидуальность личности, которая длительное время не идентифицировалась с женщиной. Стереотипное отношение людей к области женского до сих пор является следствием природной половой дискриминации, приводящей к экономической и политической эксплуатации. Женская субъективность определяется в контексте ценностного отношения к себе как личности, обладающей системой выбора, необязательно маркируемого замужеством или материнством.

Ключевые слова: субъективность; женщина; патриархальная культура; дискриминация; женская субъективность; личность; выбор.

FEMALE SUBJECTIVITY: BODY LANGUAGE

E. A. USOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The subject of the study is female subjectivity, viewed through the prism of its socio-cultural stigma, as well as body language as a «conductor» of norms and regulations from patriarchal culture. The article pays attention to subjectivity as a category that reflects the uniqueness of a person who has not been identified with a woman for a long time. Stereotypical attitudes towards the feminine were and are a consequence of natural gender discrimination, leading to economic and political exploitation. Women's subjectivity is defined in the context of a value-based attitude towards oneself as an individual with a system of choice, not necessarily marked by marriage or motherhood.

Keywords: subjectivity; woman; patriarchal culture; discrimination; female subjectivity; personality; choice.

Введение

Исследователи по-прежнему уделяют большое внимание так называемому женскому вопросу, несмотря на имеющийся опыт и результаты эмансипации. В настоящее время акцент с борьбы за равные права на уровне юридического закрепления смещен в сторону обсуждения их реального воплощения, что особенно важно для тех стран и культур, в которых патриархальные нормы остаются доминирующими.

Более того, общий духовно-культурный и социально-политический фон гендерной и иной проблематики демонстрирует определенного рода призыв – возвращение к традиционным ценностям, за которыми чаще всего скрываются нормативные требования к соблюдению социорольевых позиций мужчин и женщин и закрепленных за ними обязанностей-долженствований.

Образец цитирования:

Усовская ЭА. Женская субъективность: язык тела. *Человек в социокультурном измерении*. 2024;2:10–15. EDN: SWJXDN

For citation:

Usovskaya EA. Female subjectivity: body language. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2024;2:10–15. Russian. EDN: SWJXDN

Автор:

Элина Аркадьевна Усовская – кандидат культурологии, доцент; доцент кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Elina A. Usovskaya, PhD (cultural studies), docent; associate professor at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communications. usovskaya@bsu.by

Вопрос о субъективности как выражении самости, индивидуальности личности репрезентируется в разных формах, одной из которых является телесность. В настоящей статье затронута одна из ее измерений – язык, под которым понимается не просто мимика, жесты, взгляды, позы, речь, но и его обусловленность социокультурными нормами и ценностями. Телесность будет определяться через конвергенцию

внешнего и внутреннего – через тело природное (физическая данность) и «тело как момент моего самознания», которое представляет собой «совокупность внутренних органических ощущений, потребностей и желаний, объединенных вокруг внутреннего мира» [1, с. 59]. И так, язык тела (как телесности) есть единство его составляющих – природного тела, телесознания и социокультурного тела.

Исследование субъективности и телесности

Проблема субъективности и телесности, в том числе женской, является объектом научного интереса разных областей знаний – от психологии, социологии и истории до этнологии, межкультурной коммуникации и культурной антропологии. Однако изучение отдельных аспектов субъективности и телесности дает результаты, имеющие дело с конкретными случаями. Возникновение феминологии как специальной области изучения и андрологии, объединенных общим дискурсом квир-исследований, гендерных и культурных исследований, существенно расширило горизонты и перспективы уникальности субъекта в его гендерном проявлении¹.

Среди революционных в научном и социально-когнитивном плане работ следует отметить книгу С. де Бовуар «Второй пол», в которой автор показал яркую историческую палитру дискриминации и угнетения женщин и представил собственное понимание женского. Пожалуй, ее главной заслугой стало развенчание фрейдовского постулата «анатомия – это судьба». С. де Бовуар доказывала, что биологические различия не означают отличия-опозиции жизненного, экзистенциального характера и что исключительно женской субъективности нет. Кроме того, упомянутое произведение рождает ощущение дополненности, «приложения» женщины к мужчине и, наоборот, понимание женского

как чего-то недостающего, отсутствующего в человеке (мужчине): «В женщине позитивно воплощается отсутствие чего-то, которое человек носит в своем сердце, и он надеется реализовать себя, пытаясь через нее добраться до самого себя» [2, с. 183].

Появление женских, а затем гендерных исследований и квир-исследований еще больше изменило представление о субъективности и телесности и их понимание. Использование постмодернистского инструментария в целом и постструктуралистского в частности, как и интерпретация марксистских тезисов и их применение в практике культурных исследований, обнажили широкий круг вопросов о женственности, мужественности и роли в них телесного как стигментированного социальными, культурными и идеологическими установками. В данном плане существенное значение имеют работы М. Фуко и Ж.-Л. Нанси.

Интерес к нарративу женской субъективности открыл перспективы ее детального изучения. Особую роль в этом сыграли труды Д. Харауэй, Р. Брайдотти, С. Зонтаг, Дж. Батлер, Л. Иригарэй, М. Тлостановой и А. Усмановой. Знаково-символический и собственно коммуникативный аспекты тела представлены в работах Э. Холла, обратившего внимание, как и Дж. Фаст, на межкультурные различия в проявлении телесного поведения.

Категория субъективности

Субъективность – многогранный и многозначный термин, изначально обозначающий познавательно-разумный субъект, вернее то, что человек обладает рациональным мышлением и имеет способность к разумной деятельности. Подобная картезианская трактовка уделяет мало внимания индивидуальности и уникальности человека.

Большинство сторонников концептов XX в. настаивали на пересмотре субъекта и субъективности в контексте их динамичности. В частности, для Х.-Г. Гадамера субъективность выступала как изначально присущая индивиду форма существования и самополагания, которая являлась основанием для целостности человека [3, с. 78]. В отличие от этого подхода постмодернистский дискурс выдвигает на

первый план принцип нетождественности и децентрированности субъекта, обращаясь к идее постоянного самостановления, в основе которой лежат наличие желаний, поиск различий (Ф. Гваттари, Ж. Делёз, Ж. Деррида) и трансформация телесности и сексуальности (М. Фуко, Ю. Кристева, Ж.-Л. Нанси). Субъективность не может быть изначальной и существовать вне контекста власти с ее нацеленностью на производство «нормальных» сексуальных, поведенческих и иных моделей. Поэтому задача человека состоит в постоянной заботе о себе, т. е. конструировании, приобретении субъективности как становлении новой индивидуальности. Наиболее полно согласно М. Фуко субъективность воплощается в античном понятии «забота о себе»

¹В данном случае под гендером понимается категория, «освобождающая» личность от обязательной принадлежности к биологическому полу и закрепления за ним социальных функций и культурных норм.

(*epimeleia heautou*), подразумевающим «некие действия... которые производят над самим собой, с помощью которых берут на себя заботу о себе, изменяют себя, очищаются, становятся другими, преображаются» [4, с. 23]. По мнению автора настоящей работы, забота о себе как субъективность есть своего рода бегство от постоянно структурируемых и воспроизводимых властью ограничений индивидуальности, уникальности.

Женская субъективность

Женская субъективность наделяется широкими смыслами и явной неоднозначностью. Диапазон мнений по поводу ее атрибуции достаточно велик – от подчеркивания женской субъективности как исключительного опыта до отрицания какой-либо женской или иной субъективности. Важным критерием для ее экспликации стал так называемый половой критерий со всеми вытекающими последствиями сравнений мужчин и женщин прежде всего как биологических видов и чаще всего на уровне бинарной оппозиции «лучше – хуже».

Не стоит отрицать различий между женщинами и мужчинами. Они очевидны, естественны и нормальны, как и само понятие «различия», что делает нас уникальными и неповторимыми в личностном плане.

Констатацию физиологических различий, влияющих на мышление и поведение людей, достаточно наглядно продемонстрировала Л. Бризендайн в книге «Женский мозг». Стараясь избегать явных противопоставлений по шкале «ниже – выше» или «лучше – хуже», ссылаясь на исследования Х. Нишиды и других ученых, она акцентировала внимание на нейромозговых особенностях женщин и мужчин: «Женский и мужской мозг обрабатывают стимулы, слышат, видят, “чувствуют” и оценивают чужие чувства по-разному. Наши различающиеся женские и мужские операционные системы в основном совместимы друг с другом, но они добиваются целей и решают задачи, используя разные структуры» [5]. Тем не менее вопрос о том, является ли физиология единственным и детерминирующим условием для разделения человечества на мужское и женское и для закрепления за ними социокультурных норм, остается открытым, как и проблема женской субъективности в разрезе биологии.

История женского вопроса демонстрирует явно двойственное и часто дискриминационное отношение к женщине и ее возможности быть субъектом. Быть таковой ей «помогает» телесность, а значит, и предписания, как должно выглядеть ее тело и на каком языке ему следует говорить.

Рассмотрим самую расхожую версию женской субъективности: мужчина и женщина не только отличаются между собой, но и представляют оппозиции, определяемые полом, биологией (мужчина vs женщина как разум vs тело, мужчина как субъект

Общим местом понимания субъективности для большинства нарративов постмодерна является отрицание ее предзаданности: каждый человек формирует, созидает себя, придавая смыслы своему существованию и, что очень важно, приобретает ценность для себя в сложном взаимодействии с окружающим миром и социально-политическими, духовными, экономическими и другими институтами.

vs женщина как объект). Исходя из этого, женщина априори не может быть субъектом, а значит, она изначально не обладает субъективностью. Поскольку мужское (маскулинное) наделяется качествами рационального, мудрого, высокого, элитарного, активного и созидающего начала, то женщине (феминному) отводится роль иррационального, бессознательного, чувственного и пассивного. Итак, квинтэссенцией подобного подхода является тезис о том, что женщина не субъект, а объект и отражение мужского. Абсолютизация этой версии могла бы выглядеть следующим образом: «Нужно настолько раствориться, подчиняясь мужчине, стать его рабыней, чтобы восхищаться той долей свободы, которую он тебе позволяет иметь, и за это искренне его любить и благодарить».

Невербальный и вербальный языки тела будут соответствовать заданному нарративу патриархального общества и культуры. Достаточно красноречиво этот нарратив представлен в памятнике протопопа Сильвестра «Домострой». Требования к женщине во всех «мужских» культурах будут выглядеть приблизительно одинаково, можно сказать, архетипично. Поэтому женщина, как телесное, должна быть тихой, послушной и смиренной: «Жена добрая, трудолюбивая, молчаливая – венец своему мужу». Ей «следует оберегать душевную чистоту и телесное бесстрашие, имея походку кроткую, голос тихий, слово благочинно, пищу и питье не острые; при старших – молчание, перед мудрейшими – послушание, знатным – повиновение, к равным себе и к младшим – искреннюю любовь; нечестивых, плотских, любострастных людей избегать» [6].

Социально-поведенческие функции, следующие за половыми характеристиками, отводили женщине хорошо известную роль хранительницы домашнего очага, хозяйки, матери и т. д. Их стереотипизация нашла воплощение в принципе «дети, кухня, церковь», сформулированном в период О. фон Бисмарка или Вильгельма II в Германии как необходимость утверждения традиционных универсальных для западной цивилизации (и не только) патриархальных ценностей в условиях нарастающей волны суффражизма (будущего феминизма).

Материнство, как исконно женское предназначение, детерминированное ее телесностью, выступало

в качестве способности и обязанности воспроизводить людей – рожать. По этому поводу С. Зонтаг высказалась следующим образом: «... тот факт, что женщины могут рожать детей, а мужчины – нет, едва ли доказывает, что мужчины и женщины фундаментально различаются. Скорее, он демонстрирует, какое тонкое основание у этой якобы природной разницы, вследствие которой женскую репродуктивную физиологию приравнивают к жизненному призванию...» [7, с. 65]. Исследовательница имела в виду, что физиологические особенности, различия не являются абсолютным условием для жизненного пространства женщины исключительно как продолжательницы рода и матери и не отменяют выбора того, кем она хочет быть, и того, обязательно ли ей выходить замуж или иметь детей.

Патриархатная идеология конструирует материнство как естественное назначение женщины, определяя ее сущность именно через эту форму существования. Как продолжение данной обязанности, телесность женщины означает способность осуществлять последующий уход за ребенком.

Дар материнства и рождения рассматривался на уровне все той же оппозиции, следующей за двойственностью восприятия женщины (женского) и материнского. С одной стороны, умение рожать наделяло ее магическими, потусторонними качествами: беременная являлась своего рода посредником между мирами. Поэтому ей или нерожденному ребенку приписывались способности навести порчу, сглазить. Так, согласно китайским поверьям беременным нельзя было присутствовать при рытье колодца, поскольку из-за этого вода в нем могла стать грязной, и при приготовлении вина [8, с. 69]. Подобные ограничения существуют почти во всех культурах с явной патриархатной доминацией. С другой стороны, беременная женщина олицетворяла жизнь и плодородие. Мать и дитя нуждались в заботе и безопасности, которые должны были исходить не только от семьи и сообщества, но и от самой беременной. С момента зачатия ребенка вся ее жизнь и поведение, в том числе телесное, были регламентированы. Ей вменялось заботиться о чистоте тела, есть здоровую пищу, не смотреть на людей с физическими недостатками, быть доброй, не разговаривать быстро, не носить стесняющую движения одежду, не смотреть на пожар. Как отмечала Т. Кухаронак, «также запрещалось сидеть на камне – роды будут тяжелыми, перешагивать через веревку, вязать и плести – ребенок может запутаться в пуповине» (перевод наш. – Э. У.) [9, с. 22].

Согласно Х. Дойч (соратница З. Фрейда) беременность и материнство, как и все телесно-физиологические трансформации (от менструации, дефлорации до климакса) и связанные с ними переживания, являются своеобразными маркерами женской идентичности и субъективности (видимо, исключительно

как женского со всеми вытекающими из этого гендерно-социальными функциями) и обуславливаются комплексами кастрации, а способность к размножению, наступление половой зрелости, как и перспектива иметь детей, полностью компенсируют «ей все нарциссические обиды» [10, с. 33]. В связи с этим женщина оказывается в той мере женщиной, в какой у нее получается реализовать биологическую телесно-психологическую предзаданность. Х. Дойч «позволяет» женщине состояться через воплощение своей половой принадлежности, рассматривая ее как нечто отличное от мужчины, завидующее ему существо. Здесь тем не менее не чувствуется абсолютизация ее вторичности.

Материнство, как обязанность, плавно перетекает в уход за детьми и вообще уход за всем и всеми – домом, мужем, стариками, больными. Эти сферы деятельности считаются исконно женскими в культуре патриархата. Кухня в широком смысле слова является реальностью жизни женщины, ее царством, где она, с одной стороны, выступает хозяйкой, с другой – объектом, постоянно выполняющим множество обязанностей. Очевидно, что подобная система долженствований есть следствие многих причин, в частности уподобления женщины природному, пассивному (в отличие от мужчины, который уподобляется культурно-преобразующему и активному), способности-обязанности к очищению, наведению чистоты, поскольку сама женщина в силу своей природы нечиста (менструация, роды и т. д.). Как справедливо подчеркивала В. Н. Кардапольцева, «именно репродуктивные функции женщины сближают ее с природой, и на этой доминанте строится большинство умозаключений, то есть оппозиция женского и мужского становится оппозицией природного и культурного, что... лежит в основании всеобщего ущемления прав женщины» [11, с. 65].

Концепт нечистоты женского как телесного известен в различных культурах и, как правило, обусловлен религиозными санкциями. С. де Бовуар в книге «Второе поле» дала нам весьма яркую картину этой телесной дискриминации, обращаясь к разным источникам и обществам. Сложно представить, но еще в конце XIX в. (уже вполне прогрессивного) один из членов Британской медицинской ассоциации заявил: «Не вызывает сомнений, что мясо портится, если к нему прикасаются женщины, имеющие в это время менструацию» [2, с. 190].

Итак, женщина представляет собой что-то *Иное*, *Другое*, отличное от мужского в силу своей биологичности. Эта инаковость не маркируется в качестве отличительности равенства, но она формируется в виде вторичности, принадлежности к собственному полу и мужчине. Женское тело предстает как отягощенное всем тем, что подчеркивает его особенность, и интерпретируется в качестве отличного от мужского как правильного и нормального.

Однако этому *Другому* не позволяют автономно существовать и добавляют значения аномальности, патологичности, которые поддерживают ситуацию доминирования мужского над женским (как нормы над патологией, разума над безумием и т. д.).

Красота и привлекательность женщины рассматриваются в качестве ее объективации как сексуального объекта, где индивидуальность и личностные качества не имеют значения. Ценность женщины и ее тела напрямую зависит от ее внешнего вида и сексуального потенциала и определяется способностью удовлетворения эротических потребностей. Быть красивой и привлекательной – стигма, которая поддерживается социумом, общественным мнением и самими женщинами. Вопрос «Быть красивой для кого или чего?» является продолжением дискурса «функциональности» женщины. Телесная красота

есть своего рода пропуск в мужской мир и возможность признания в нем, насколько это позволялось (позволяется) мужчинами. С. Зонтаг писала: «В любой современной стране, что христианской, что постхристианской, прекрасный пол – это всегда женщины, в ущерб как женщинам, так и понятию красоты. Назвать женщину красивой – значит признать неотъемлемую часть ее характера и ценностей» [12, с. 116]. Поэтому уход за собой, как и язык тела, представляющий собой целую ритуальную систему, направлен на поддержку стандартов о том, какой должна быть женщина, чтобы стать желанной, выйти замуж и добиться приемлемого социального положения. Эротизация женщины, как правило, визуально репрезентируется следующим образом: полуоткрытый рот, яркая помада, декольте, подчеркивающая формы одежда, «плавающая» походка и призывный взгляд.

Путь к субъективности

Вторая половина XIX в., весь XX в. и во многом XXI в. демонстрируют достаточно непростой путь к обретению женской субъективности. Отправной точкой стал суфражизм в частности и феминизм в целом. В социокультурном и психолого-антропологическом аспектах большим достижением было завоевание равенства возможностей и различий, а также понимание того, что половая ролевая дискриминация является результатом патриархатной социально-политической эксплуатации. Еще один прорывной момент – экспликация, атрибуция и критика мужских поведенческих и когнитивных стереотипов, так называемых мужественных телесных требований. Феминные исследования дополнились мужскими, а науки о гендерах существенно расширили представления о биологических, социокультурных и политических детерминантах, о должном и неправильном.

Тем не менее вопрос о субъективности, в том числе женской, остается открытым и чаще всего рассматривается в плоскости наличия или отсутствия субъекта, женщины и мужчины, женского и мужского как таковых. Женщиной становятся либо в ситуации традиционных предписаний, конструирования властными дискурсами, либо в акте самоосуществления с признанием себя как субъекта-личности. Интересен в этой связи взгляд Ж. Лакана, который продолжает развивать тезис о женщине как *Другом* в мужчине. С одной стороны, субъективность – конструкт внебиологической («становящейся») обусловленности без предзаданных и однозначных характеристик. В ней воплощено и мужское, и женское, обнаруживаемое через текст, языковую символизацию. С другой стороны, женщина не представляет ценности сама по себе и не может быть таковой, а проявляется и становится только в акте

опосредования другим [13], т. е. выступает в качестве объекта.

Еще один подход к женской субъективности заключается в общей стратегии признания и понимания себя как ценности. На первый взгляд она выглядит достаточно просто. В общепринятом социально-философском контексте ценностное отношение требует постоянного сопоставления своих взглядов, интересов, потребностей, моделей поведения с общепринятыми паттернами и нормами, что чаще всего приводит к самоконструированию в соответствии с идеологическими и социально-культурными установками и практиками. Баланс между должным и желаемым, социально-эталонным и личностным весьма хрупок. В данном случае работа по признанию себя в качестве ценности предполагает отказ от тезиса о вторичности и пассивности женщины, о ее изначальной «приложимости» к чему-либо – мужчине, роду, дому и т. д. Выбор является ключевой парадигмой в становлении себя как субъекта, а не объекта, что позволяет быть тем, кем хочешь и можешь, реализуя (или нет) себя как мать, жену, ученого, менеджера, управляющего, бизнесмена и т. д.

Р. Брайдотти, признавая подвижность субъективности и возможности разнообразия ее выбора, конструирует ее в виде номадизма – различия полов, понимаемого «как возможность перемены позиции, которую обретают множественные женские феминистские голоса, имеющие телесные воплощения; феминистский номадизм как теоретическая позиция допускает сосуществование... разных репрезентаций и способов понимания субъектности женщины и дает богатый материал для дискуссии» [14, с. 241–249]. Тем самым быть женщиной не означает следовать биологическому полу, а полагает процессуальность поиска и самообретения.

Заключение

Женская субъективность, как категория и социокультурная реальность, прошла длительное становление. Она обуславливалась общим фоном культурно-исторических и политических изменений. Ее развитие осуществлялось вместе с языком женского тела, вначале подвластного в культуре патриархата биологическим половым различиям и, как следствие, назначенным социальным ролям, а затем освобож-

дающегося от дискриминации и эксплуатации. Процесс осознания женщинами собственной субъективности как снятие оппозиций «мужчина – женщина», «субъект – объект», «первичность – вторичность» далек от завершения и в настоящее время предопределен готовностью к эгалитарности, что особенно актуально для постколониальных или тоталитарных обществ.

Библиографические ссылки

1. Бахтин ММ. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Художественная литература; 1979. 412 с.
2. де Бовуар С. *Второй пол*. Айвазова СГ, редактор. Москва: Прогресс; 1997. 832 с.
3. Гадамер Х-Г. *Актуальность прекрасного*. Михайлов АВ, переводчик. Москва: Искусство; 1991. 368 с.
4. Фуко М. *Герменевтика субъекта*. Погоняйло АГ, переводчик. Санкт-Петербург: Наука; 2007. 677 с.
5. Бризендайн Л. *Женская нейробиология*. Захаров АВ, переводчик [Интернет]. Москва: Эксмо; 2023 [процитировано 20 мая 2024 г.]. Доступно по: <https://siteknig.com/books/other-literature/zarubezhnaya-obrazovatel'naya-literatura/page-5-328089>.
6. Сильвестр. *Домострой* [Интернет]. Москва: Советская Россия; 1990 [процитировано 30 мая 2024 г.]. Доступно по: <https://librebook.me/domostroi/vol1/2>.
7. Зонтаг С. *О женщинах*. Кузнецова С, переводчик. Москва: Ad Marginem; 2024. Третий мир женщин; с. 60–112.
8. Чжан Хуншань. Традиционный народный кодекс повеления беременной женщины в Беларуси и Китае. *София*. 2021;2:65–72.
9. Кухаронак Т. Традиційныя радзільныя звычэй і абрады беларусаў. *Наука і інновацыі*. 2022;1(7):21–25.
10. Дойч Х. *Психоанализ женских сексуальных функций*. Перепелова СГ, переводчик. Ижевск: ERGO; 2013. 108 с.
11. Кардапольцева ВН. Женственность как социокультурный конструкт. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2005;1:62–76.
12. Зонтаг С. *О женщинах*. Кузнецова С, переводчик. Москва: Ad Marginem; 2024. Источник силы?; с. 115–119.
13. Лакан Ж. *Семинары. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/1955)* [Интернет]. Москва: Гнозис; 1999 [процитировано 1 июня 2024 г.]. Доступно по: <http://yanko.lib.ru/books/psycho/lacan-seminaire-2.htm>.
14. Брайдотти Р. Половое различие как политический проект номадизма. В: Здравомыслова Е, Темкина А, редакторы. *Хрестоматия феминистских текстов. Переводы*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2000. с. 220–251.

References

1. Bakhtin MM. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1979. 412 p. Russian.
2. de Beauvoir S. *Vtoroi pol* [Second sex]. Aivazova SG, editor. Moscow: Progress; 1997. 832 p. Russian.
3. Gadamer H-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of beauty]. Mikhailov AV, translator. Moscow: Iskusstvo; 1991. 368 p. Russian.
4. Foucault M. *Germenevtika sub'ekta* [Hermeneutics of the subject]. Pogonyailo AG, translator. Saint Petersburg: Nauka; 2007. 677 p. Russian.
5. Brizendine L. *Zhenskaya neyrologika* [Women's neurology]. Zakharov AV, translator [Internet]. Moscow: Eksmo; 2023 [cited 2024 May 20]. Available from: <https://siteknig.com/books/other-literature/zarubezhnaya-obrazovatel'naya-literatura/page-5-328089>. Russian.
6. Sil'vestr. *Domostroi* [Domostroy] [Internet]. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1990 [cited 2024 May 30]. Available from: <https://librebook.me/domostroi/vol1/2>. Russian.
7. Sontag S. *O zhenshchinakh* [About women]. Kuznetsova S, translator. Moscow: Ad Marginem; 2024. [The third world of women]; p. 60–112. Russian.
8. Chzhan Khunshan. [Traditional folk code of command for a pregnant woman in Belarus and China]. *Sofiya*. 2021;2:65–72. Russian.
9. Kuharonak T. Traditional family customs and ceremonies of Belarusians. *Science and Innovations*. 2022;1(7):21–25. Belarusian.
10. Doych H. *Psikhoanaliz zhenskikh seksual'nykh funktsii* [Psychoanalysis of female sexual functions]. Perepelova SG, translator. Izhevsk: ERGO; 2013. 108 p. Russian.
11. Kardapol'tseva VN. Femininity as a social and cultural construct. *RUDN Journal of Sociology*. 2005;1:62–76. Russian.
12. Sontag S. *O zhenshchinakh* [About women]. Kuznetsova S, translator. Moscow: Ad Marginem; 2024. [Source of power?]; p. 115–119. Russian.
13. Lacan J. *Seminary. «Ya» v teorii Freida i v tekhnike psikhoanaliza (1954/1955)* [Seminars. «I» in Freud's theory and in the technique of psychoanalysis (1954/1955)] [Internet]. Moscow: Gnozis; 1999 [cited 2024 June 1]. Available from: <http://yanko.lib.ru/books/psycho/lacan-seminaire-2.htm>. Russian.
14. Braidotti R. [Sexual difference as a political project of nomadism]. In: Zdravomyslova E, Temkina A, editors. *Khrestomatiya feministских текстов. Perevody* [Reader of feminist texts. Translations]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin; 2000. p. 220–251. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.06.2024.
Received by the editorial board 12.06.2024.